

АНДРЕЙ МИХАЙЛОВ

ОТ ФРАНСУА ВИЙОНА ДО МАРСЕЛЯ ПРУСТА

*Страницы истории французской литературы
Нового времени (XVI–XIX века)*

Том 2

ПАЛЬМИРА
РУГРАМ

Москва / Санкт-Петербург

2 0 2 5

УДК 821.133.1.09
ББК 83.3(4Фра)
М69

Михайлов, А.

М69 От Франсуа Вийона до Марселя Пруста : Страницы истории французской литературы Нового времени (XVI–XIX века) : [в 2 т.] / Андрей Михайлов. — М. ; СПб. : «Руграм» / «Пальмира», 2025. — (Серия «Пальмира — университет»).

ISBN 978-5-524-02182-3 (Т. 2)

Т. 2. — 728 с.

ISBN 978-5-517-12688-7

«От Франсуа Вийона до Марселя Пруста» — собрание статей А. Д. Михайлова, посвященных ключевым этапам развития французской литературы с эпохи Возрождения до конца XIX столетия. Опираясь на богатый историко-культурный материал, автор демонстрирует, как на протяжении четырех веков французская литература осмысливала и отражала стремительное развитие общества, искусства и философии. Работы разных лет включают в себя как статьи обобщающего характера, так и исследования, рассматривающие творчество отдельных писателей и поэтов, а также частные вопросы, важные для понимания закономерностей литературного процесса.

Во втором томе освещаются проблемы эволюции французской литературы от эпохи Просвещения до начала XX века. Автор анализирует произведения ведущих авторов этого периода: Вольтера, Антуана Франсуа Прево, Дени Дидро, Стендаля, Проспера Мериме, Мориса Метерлинка, Марселя Пруста и других, раскрывая их роль в формировании культурной и интеллектуальной атмосферы своего времени. Особое внимание уделено литературным связям Франции и России, что позволяет глубже осмыслить влияние французской культуры на отечественную поэзию и прозу.

Издание адресовано специалистам в области истории литературы, студентам филологических факультетов, а также широкому кругу читателей, интересующихся историей французской литературы.

УДК 821.133.1.09
ББК 83.3(4Фра)

ISBN 978-5-524-02182-3
ISBN 978-5-517-12688-7

© Михайлов А. Д., наследники, 2025
© Оформление.
ООО «Руграм», 2025

ВЕК ПРОСВЕЩЕНИЯ

Художественная проза Вольтера

Рубежи исторических эпох обычно не совпадают с рубежами столетий. В истории французской культуры «великий век» — семнадцатый — неправомерно растянулся, захватив начало следующего. Семнадцатый век был торжественным, величавым и неторопливым. Следующий — эпоха Просвещения, — метко названный Герценом «дивным, мощным, деятельным», оказался стремительным и бойким. И коротким: его границами стали смерть Людовика XIV (1715), когда с пережитками «великого века» было наконец покончено, и революционный взрыв 1789 года, рассчитавшийся со «старым порядком».

Это было время глубочайшего кризиса феодально-религиозного сознания и подъема буржуазно-демократической идеологии, вступивших в яростную борьбу. Это была эпоха контрастов — чрезмерного богатства и ужасающей нищеты, смелых и талантливых строительных предприятий и уничтожительных войн, передовых научных гипотез и схоластической рутины, дерзкого свободомыслия и ожесточенного религиозного фанатизма. Передовая идеология эпохи проявляла себя во всех областях, ведя наступление на все отживающее и реакционное, на все тормозящее движение вперед, будь то обветшалые философские, научные взгляды или литературные вкусы. Просветители ратовали за развитие передовой науки и культуры, за распространение знаний в широких слоях общества; уже одно это придавало их деятельности революционный характер. Представители передовой идеологии — писатели, ученые, мыслители — не просто боролись со старым и реакционным, но и создавали; они выдвинули немало смелых гипотез во всех областях — от

чистой науки до самой прагматической, «прикладной» философии и политики.

Просветительское движение было широким; среди вольнодумцев, «философов» значились не только представители интеллигенции, но и некоторые аристократы и отдельные деятели церкви. Просветительство было модным; «философы» стали теперь желанными гостями в столичных салонах, а светские дамы любили, чтобы художники изображали их на портретах с томами «Энциклопедии» на туалетном столике. В литературных и светских кружках теперь уже заинтересованно обсуждали не изысканный каламбур и не галантно-авантюрный роман, а философский трактат или даже какой-либо труд по физике, астрономии, ботанике.

С просветительством заигрывали (например, Фридрих II и Екатерина II), но его и смертельно боялись. «Старый порядок» вел с просветительством ожесточенную борьбу. Книги передовых писателей запрещались, конфисковывались, сжигались. Излишне дерзкие издатели подвергались штрафам, тюремному заключению, лишались «королевской привилегии» на печатание книг. Однако крамольные сочинения публиковались не только во Франции, где цензура была достаточно строга и расторопна, но и в соседних республиканских Голландии и Швейцарии и контрабандно переправлялись через границу. Многие «опасные» произведения гуляли в списках, причем переписывались и рискованные озорные эпиграммы, и яркие антифеодальные и антиклерикальные памфлеты, и научные трактаты, пропагандирующие новые идеи.

Просветительство не было единым. В нем существовали различные оттенки и течения, были и разные этапы в его эволюции. Первая половина столетия — начальный этап просветительского движения был, естественно, еще в достаточной степени эклектичным и осторожным, во многом — еще разобщенным, в отличие от следующего этапа, когда просветительство приобрело небывалый размах и широту, когда, по замечанию Энгельса, «религия, понимание природы, общество, государственный строй — все было подвергнуто самой беспо-

щадной критике», когда «все должно было предстать перед судом разума и либо оправдать свое существование, либо отказаться от него»¹.

Среди французских просветителей-вольнодумцев уже в 20-х годах XVIII века становится заметным и влиятельным Франсуа Мари Аруэ, вошедший в историю мировой культуры под именем Вольтера (1694–1778).

Жизнь Вольтера была внешне суматошной и яркой. Уже молодым человеком, по выходе из иезуитского коллежа, этот отпрыск состоятельных парижских буржуа заставил говорить о себе как об опасном острослове и авторе язвительнейших эпиграмм. В эти годы (да и позже) язык нередко оказывался его врагом: из-за неосторожно брошенной едкой фразы или разлетевшегося по рукам сатирического стихотворения писателю не раз приходилось поспешно покидать Париж, находя приют в глухой французской провинции, в Голландии или Англии. За смелые эпиграммы против регента герцога Филиппа Орлеанского поэт поплатился годом заключения в Бастилии. Скандальная ссора с шевалье де Роганом, человеком влиятельным и ничтожным, стоила Вольтеру нового ареста и изгнания. Выход каждой его книги становился заметным событием, отражаясь на его судьбе. Постепенно у писателя появлялось все больше могущественных врагов, среди которых были не одни невольные жертвы его необузданного сатирического темперамента; с годами врагами Вольтера становилась вся феодальная Европа, весь «старый порядок» — от ничтожных писак-иезуитов до всемогущих самодержцев, министров или римских пап. Вольтер знал и «служебные» успехи — его назначали в составы посольств, давали ответственные дипломатические поручения, жаловали придворные посты и одаряли наградами. Знал он и критические, почти катастрофические повороты судьбы, когда его благополучие, свобода, жизнь оказывались под угрозой. Так было в момент выхода навешанных английскими впечатлениями «Философских писем» (1734), в которых порядки послереволюци-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения: в 50 т. 2-е изд. М., 1961. Т. 20. С. 16.

онной Англии противопоставлялись французской действительности. Так было после смерти его покровительницы и друга маркизы дю Шатле (1749), после разрыва с Фридрихом II и бегства из Берлина (1752). Так было обычно после публикации его наиболее смелых и острых книг, в частности «Орлеанской девственницы» (1755). Злоключения писателя не закончились и после его смерти: прощенный королем, увенчанный лаврами на торжественном представлении его «Ирины», Вольтер остался ненавистен клерикалам, и церковные власти далеко не сразу разрешили предать его тело земле.

Оставленное Вольтером творческое наследие огромно. Оно включает, вероятно, все жанры, которые в его время были в ходу. Писатель как-то заметил, что «все жанры хороши, кроме скучного», и эта крылатая фраза не случайно сказана именно им. Он был ведущим драматургом своего времени. Его сатирическая лирика и его едкие, ироничные, насмешливые памфлеты — бесспорно, лучшее, что было создано в этом жанре в XVIII столетии. Увлекательна, остроумна, стилистически безупречна его философская, историческая и научная проза. «Орлеанская девственница», высмеивающая не столько сам подвиг Жанны д'Арк, сколько нагроможденные вокруг него церковные легенды, — самая талантливая, самая яркая сатирическая поэма эпохи Просвещения. Повести, новеллы, философские сказки Вольтера — знаменательная страница в истории французской прозы. Всеми чертами большой прозы отмечены и его письма, то лиричные, то неудержимо веселые, то гневные, то саркастические. А их Вольтер написал более пятнадцати тысяч!

Писал он легко, быстро и весело, и писал всегда — в моменты благодатных творческих уединений, в суматохе светского времяпрепровождения, в располагающей тишине его рабочего кабинета, в приемной Фридриха II, в провинциальной таверне. На большинство событий общественной или литературной жизни Вольтер откликался то эпиграммой, то памфлетом, то повестью, то большим темпераментным письмом (в следующем столетии Виктор Гюго упрекнет Вольтера в том, что тот слишком разбрасывался). Его реакция была молниеносна, мастерство